

Чалова Анна Витальевна

магистрант

Научный руководитель

Фастова Марина Андреевна

канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный

социальный университет»

г. Москва

**ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ:
УСЛОВИЯ ПРИЗНАНИЯ ДОГОВОРА, ЗАКЛЮЧЁННОГО С ЕЁ
ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ, В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ**

***Аннотация:** в статье анализируется юридическая сила электронной подписи в спорах о договорах, заключенных через интернет и цифровые сервисы, где согласие выражается действием в интерфейсе, обменом документами или подтверждением через учётную запись. Процессуальный фокус задан тремя свойствами электронных доказательств (достоверность, целостность, идентифицируемость источника). Выстраивается доказательственная цепочка для судебной проверки электронного договора: установление канала выражения согласия, подтверждение полномочий подписанта, сохранение метаданных, журналов входа и действий, фиксация маршрута передачи документа. Рассматривается аргумент о технической уязвимости среды подписи через риски цифровизации и влияние информационной безопасности на надежность цифровых процессов. Материал иллюстрируется ситуациями, когда доступ к личному кабинету разделён между сотрудниками, подпись формально проставлена, но цифровой след неполон.*

***Ключевые слова:** электронная подпись, электронная сделка, электронные доказательства, идентификация стороны, достоверность, целостность данных, судебное доказывание.*

1. Спор и заключение договора.

В договорных отношениях, которые складываются в сети, спор чаще начинается не с цены и сроков. Стороны сначала выясняют, было ли согласие и кто его выразил. Е.Р. Зуева и Е.С. Митякина описывают базовую механику интернет-сделки через оферту и акцепт. Лица, которые заключают подобные сделки, становятся обладателями определённых прав и обязанностей. Они устанавливаются договором. Заключение договора должно пройти две стадии. Первая стадия – это стадия оферты, то есть предложение с одной стороны о заключении договора. Вторая – стадия акцепта, то есть принятие предложения другой стороной. Для того чтобы заключить сделку, одна из сторон должна предложить оферту, а другая – её принять. Чаще всего продавцы на сайтах предлагают публичную оферту, или потребитель самостоятельно заполняет бланк заказа товаров (там он указывает свои персональные данные). Добавим определение: оферта – это предложение, адресованное одному или нескольким конкретным лицам, «которое достаточно определённо выражает намерение лица, сделавшего предложение, считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение». Стадия акцепта наступает путём нажатия кнопки «согласен», «отправить» или с помощью обмена документами. Согласие получают через отправку письма по электронной почте. Но с гражданско-правовой точки зрения сделка будет считаться заключённой при условии, что договор подписан в письменной форме всеми сторонами. Однако чаще всего этот важный момент не соблюдается. Это одна из проблем сферы гражданско-правового оборота, и решить её можно путём введения обязательной электронной подписи [7, с. 140–147].

Для суда такой акцепт сам по себе не закрывает вопрос о форме. Даже когда есть переписка и история действий в личном кабинете, возникает процессуальная потребность связать волеизъявление с конкретным субъектом. Сделка «будет считаться заключённой при условии, что договор подписан в письменной форме всеми сторонами» [7, с. 140–147].

Типичная учебно-организационная ситуация в образовательной практике выглядит просто. Вуз заключает договор на доступ к цифровой платформе, бухгалтерия получает счёт, а ответственное лицо принимает условия через личный кабинет. Когда позже возникают претензии по оплате, спор сводится к проверке цепочки действий: кто входил в кабинет, с какого адреса, какие файлы выгружались и каким способом подписывались. Здесь уже на первом шаге обсуждение упирается в то, чем подтверждена цифровая идентичность участника и как обеспечена проверяемость электронного следа.

Ключевой узел спора о договоре в цифровой среде связан с тем, можно ли надёжно определить лицо, выразившее волю. Важен не только «клик» как факт, но и юридически значимая процедура согласования способа идентификации. Есть возможность заранее договориться о том, что именно считается офертой и акцептом в электронном обмене, а также кто уполномочен действовать от имени контрагента.

Проблемным является и место, где электронная коммуникация есть, а подтверждения «подписания» нет. Поэтому важен тезис о переходе к подписи как к обязательному инструменту дисциплины гражданского оборота. Проблему можно решить путём введения обязательной электронной подписи.

Переход от «клика» к подписи особенно заметен в процессуальной перспективе. А.Д. Кундич фиксирует, что для электронных доказательств важно обеспечить три свойства. В его формулировке значимы «достоверность, целостность и возможность идентификации источника их происхождения», и для этого «часто используются электронные подписи» [9, с. 39–45].

В суде обсуждают не «электронность» договора как модный формат, а идентифицируемость стороны и воспроизводимость данных. Если спор доходит до суда, договор с электронной подписью перестаёт быть только договором. Он становится объектом доказывания, где суд оценивает не убеждения сторон, а качество цифровых следов. А.Д. Кундич начинает с определения, которое удобно для прикладной работы. Он пишет, что электронные доказательства «это сведения,

которые создаются, передаются, хранятся или получаются с использованием электронных, цифровых или иных аналогичных технологий» [9, с. 39–45].

2. Электронные доказательства.

Далее у него появляется важное различие. Электронные доказательства не ограничиваются текстом. Они могут включать «метаданные, которые фиксируют технические параметры создания, изменения или передачи информации» [9, с. 39–45]. Именно здесь подпись превращается в связку между документом и процедурой его создания, поскольку суду нужно видеть не только «файл», но и признаки его происхождения.

Электронные доказательства могут быть представлены «в форме электронных документов, подписанных электронной подписью, а также других сведений, полученных с использованием информационных технологий. Законодательство не дает строгого определения электронного доказательства, но в правоприменительной практике под ними понимаются любые сведения, имеющие значение для дела и представленные в электронной (цифровой) форме: электронные документы, сообщения электронной почты, аудио- и видеозаписи, информация с сайтов и социальных сетей, метаданные и лог-файлы» [9, с. 39–45].

Споры о подписи часто сопровождаются аргументом о технической уязвимости. Он появляется тогда, когда сторона пытается объяснить, почему «подписанный» документ не выражает её волю. В этом месте полезна рамка В.И. Липунова, который связывает цифровизацию с двойственным эффектом. Он фиксирует, что «наряду с положительными эффектами, процесс цифровизации несет и определенные отрицательные последствия в виде рисков и угроз» [10, с. 241–249].

3. Компрометация среды подписи: юридический ракурс.

Похожая мысль, хотя и в другой предметной зоне, появляется у А.И. Землина и А.А. Торшина. В контексте обсуждения беспилотных систем они перечисляют факторы, и среди них прямо называют «недостатки информационной безопасности таких систем», которые «приобретают ключевое значение» [10, с. 241–249]. Для спора о подписи это не техническая деталь, а возможный юридический

сюжет. Если сторона показывает, что среда подписи была компрометирована, суду приходится проверять, насколько надёжно связаны документ, ключ и лицо.

В прикладной ситуации образовательной организации это проявляется конкретно. Когда договор подписывают из личного кабинета, а доступ к нему разделяется между сотрудниками, появляется риск «коллективной ответственности» за пароль и ключ. В итоге спор смещается к регламентам доступа, журналам входов, порядку хранения носителей и к тому, кто и как контролировал процедуру подписания.

А.И. Землин фиксирует ситуацию, когда цифровая технология начинает задавать темп праву. В его формулировке развитие беспилотного вождения «влечет за собой необходимость кардинального изменения принципиальных подходов к построению системы правового регулирования» [3, с. 58]. Для судебного спора о договоре, заключённом в цифровой среде, эта рамка полезна как методический ориентир. Суду редко достаточно того, что стороны обменялись файлами. Он ищет юридически собранную конструкцию, где понятны роли участников, порядок допуска технологии к использованию и границы ответственности. Автор пишет, что такие проекты «не в полной мере соответствуют требованиям формальной логики, юридической техники» [3, с. 58–59]. В споре о признании электронного договора это обычно проявляется в мелочах, которые потом становятся ключевыми: как идентифицируется подписант, как хранится связка «документ и действие», какая часть процедуры отдана платформе, а какая остаётся у стороны.

Логика Н.Л. Бондаренко и соавторов из транспортной тематики переводится в гражданско-правовой оборот без натяжек. В аннотации они формулируют гипотезу, что имплементация искусственного интеллекта «влечет кардинальные изменения» и меняет «природу и содержание правового регулирования» [2, с. 50–57]. Само название статьи Н.Л. Бондаренко и Ю.Г. Конаневича в *Ex jure* держит эту же оптику. В центре не техника, а регуляторная функция государства [1, с. 56–67].

Если смотреть на юридическую силу цифровых действий как на навык, который должен быть воспроизводим, то многое решает подготовка исполнителя.

В учебнике А.И. Землина и соавторов для направления «Информационные системы и программирование» право помещено рядом с процедурой, регламентом и ответственностью [11, с. 128]. В аудитории это хорошо видно на простом задании. Студент описывает схему подписания согласия в личном кабинете и сразу получает вопрос преподавателя: где хранится событие, кто администратор доступа, как подтверждается воля пользователя.

Параллельная линия проходит через сферу публичной службы. В учебнике под общей редакцией А.И. Землина о государственном регулировании службы акцент делается на нормативной дисциплине процессов и на том, что управленческое решение опирается на установленную процедуру [3, с. 58–59]. Для судебной оценки электронного договора это близкая логика. Не важна декларация, что сервис существует. Важен юридически распознаваемый порядок, который можно проверить по следам, документам, регистрам.

Статья И.А. Казаковой и соавторов о дистанционной купле-продаже помогает точнее отделять термин от бытового употребления [8, с. 175–177]. Для цифрового договора это ключевое умение. В одном кейсе стороны называют ситуацию дистанционной покупкой, в другом суд видит смешение оферты, заказа, акцепта и оплаты. Такие расхождения потом влияют на оценку волеизъявления и на то, как суд читает цифровой след.

Итак, юридическая сила электронной подписи в споре о договоре складывается из проверяемых элементов, а не из самого факта цифрового оформления.

4. Проверяемые элементы электронной подписи.

Первый элемент – это воспроизводимая процедура выражения согласия. Интернет-сделка фиксируется действием пользователя и обменом сообщений, но для суда решающим становится то, как именно закреплён момент акцепта и кем он совершён. В практических сценариях, которые описывают Е.Р. Зуева и соавтор, спор начинается там, где пользовательское действие не подкреплено процедурой подписания и идентификации.

Второй элемент – это доказательная архитектура. Электронный документ оценивается через достоверность, целостность и идентифицируемость источника. Если сторона предоставляет только файл без метаданных, журналов действий и подтверждений маршрута документа, у суда остаётся мало инструментов для проверки происхождения и неизменности. Подход А.Д. Кундича показывает, что ценность электронного доказательства раскрывается через цифровой след и технические параметры, а не через формальное название документа.

Третий элемент – это управляемость рисков цифровой среды. В работах В.И. Липунова и А.И. Землина цифровизация рассматривается как зона ускорения и одновременно зона угроз, где недостатки информационной безопасности переходят из технической сферы в юридическую. В судебной логике это означает, что устойчивость электронной подписи зависит от регламентов доступа, контроля ключей, ограничений на использование учётных записей и от способности стороны документировать безопасность процесса.

В целом, электронная подпись в судебной практике работает как юридический инструмент только тогда, когда она встроена в понятный порядок идентификации, фиксации согласия и хранения цифровых данных. На уровне организации это требует не деклараций о цифровизации, а регламентов и доказуемых процедур.

Список литературы

1. Бондаренко Н.Л. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторная функция государства в данной сфере / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // *Ex Jure*. – 2021. – №1. – С. 56–67. DOI 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67. EDN OZFAFE
2. Бондаренко Н.Л. Правовой режим транспортных экосистем, основанных на принципах функционирования искусственного интеллекта / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, А.И. Землин // *Мир транспорта*. – 2024. – Т. 22. №1(110). – С. 50–57. DOI 10.30932/1992-3252-2024-22-1-7. EDN DYOWDQ
3. Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных

средств / А.И. Землин // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. №12. – С. 58–69. DOI 10.12737/jrl.2022.128. EDN BSMKWA

4. Землин А.И. Обеспечение информационной безопасности в условиях специальной военной операции / А.И. Землин, Д.А. Колоколова // Военное право. – 2025. – №3(91). – С. 13–17. EDN DARBAZ

5. Землин А.И. Правовые основы обеспечения антитеррористической безопасности в особые периоды / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, О.Э. Урманов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – №3. – С. 151–154.

6. Землин А.И. Характеристика беспилотных автомобилей в контексте обязательств вследствие причинения вреда / А.И. Землин, А.А. Торшин // Транспортное право и безопасность. – 2021. – №1(37). – С. 113–123. EDN UHYHRG

7. Зуева Е.Р. Гражданско-правовая защита сделок, заключенных с помощью сети интернет / Е.Р. Зуева, Е.С. Митячкина // Вестник науки. – 2022. – Т. 5. №1(46). – С. 140–147. EDN OGCUWH

8. Казакова И.А. К вопросу определения теоретико-правового понятия «дистанционная купля-продажа» / И.А. Казакова, Н.В. Куркина, Е.С. Митячкина // Право и государство: теория и практика. – 2022. – №11(215). – С. 175–177.

9. Кундич А.Д. Электронные доказательства в гражданском и арбитражном процессе / А.Д. Кундич // Этносоциум. – 2025. – №7(205). – С. 39–45. EDN IUPMAM

10. Липунов В.И. Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву / В.И. Липунов // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: техногенный прорыв как вызов праву: материалы Третьего Международного транспортно-правового форума (Москва, 10–11 февраля 2021 г.). – М., 2021. – С. 241–249. EDN PBDDMP

11. Правовое обеспечение профессиональной деятельности для специальности «Информационные системы и программирование»: учебник / А.И. Землин, Д.Ю. Левшиц, Е.С. Митячкина, М.В. Мамонова. – М.: КноРус, 2024. – 128 с. EDN DLIPYY

12. Правовое регулирование государственной службы (с практикумом): учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, О.М. Землина [и др.]; под общ. ред. А.И. Землина. – М.: КноРус, 2024. – 175 с.